

Известия, 1983, 6 мая

ЭПОС всегда был сокровенным словом народа, сказанием народа о своей судьбе. И наше время, время творческих индивидуальностей, в этом смысле не исключение. Эпос XX века — это вся совокупность глубоких философско-нравственных и художественных явлений, корнями уходящих в самую толщу народного бытия, в историю, культуру и насущные заботы живой действительности. Нынешний эпос связан с колоссальным событием, пережитым советским народом в годы Великой Отечественной войны. Пафос этого эпоса — Победа. Победа — наша судьба: это все, что мы выстрадали, познали и обрели в годы кровопролитнейшей, жесточайшей битвы с фашизмом... Троянская война, воспетая Гомером в «Илиаде», кажется по сравнению с этим совсем незначительным случаем, хотя она явилась поводом раздумий для человечества на тысячелетия.

Об этом именно — о величии современного соборного эпоса — мне пришла мысль на новой городской площади, Дженнш-Аянт, площади Победы в моем родном Фрунзе. Я здесь как бы прочел, а точнее, увидел выражение нового народного эпоса и под тем впечатлением пытаюсь осмыслить суть этого выдающегося события...

Но вначале немного о себе и о своем времени, от которого мне положено отсчитывать свою сознательную жизнь. Ведь понимание эпики приходит к человеку не сразу, а с годами. Отношу себя к военному поколению, хотя и не воевал, продлись война еще один год, и мне пришлось бы идти на фронт. Но войну я помню по собственному опыту от первого дня, когда нам, в нашем большом аиле Шекер, стало известно об этом от рассыльного сельсовета (он метался верхом от двора к двору, точно бы случился пожар), и до последнего дня — 9 мая 1945 года, который мы уже ждали, вычисляя Победу не по дням, а по часам, — вот-вот должны были всенародно объявить о конце войны и о дне Победы. Слух такой прошел, как ветер. Все обрадовались и насторожились, точно бы не веря себе. Требовалось веское доказательство. В нашем Сары-Кубинском крае в райцентре к тому времени собрались и были наготове специально посланные от каждого колхоза нарочные, верховые на лучших конях, чтобы вскачь принести ту весть награждаемому народу, как только ожидаемое станет закон-

ным правительственным сообщением. Телефонов и радио в аилах тогда не было. (Это я для теперешней молодежи говорю, а то ей будет непонятно). Так вот те селения, что были поближе к райцентру, узнали чуть раньше, а те, что подальше, чуть позже. Наш Шекер был самый крайний в районе, за нашим аилом шли горы, вздымавшиеся ввысь вечноснежными хребтами. Фронтовики все как один рассказывали, как увидели они свои горы, возвращаясь с войны. И как, увидев те горы, плакали от радости.

В тот день мы стояли на бугре, наш аил распокожен на возвышенности, собрались большой толпой, старые и малые, в ожидании нашего вестника. Собрались, понятно, гораздо раньше, чем следовало, — иные женщи-

Не об этом ли чувстве сыновнего долга говорилось издавна в древнем киргизском эпосе «Манас»:

...Ты на народ свой посмотри,
Пред битвой грозной
на него посмотри,
В неудачном исходе на него
посмотри,
В час славной победы
на него посмотри,
Ты в великом походе
на него посмотри,
Через горные кряжи, вместе
идя, посмотри,
Через бурные реки, вместе
идя, посмотри,
С кем тебе жить на одной
горе, посмотри,
С кем перед смертью
прощаться тебе, посмотри,
Лучшей доли найдешь ли
себе — посмотри...

время мы гордились им и клялись его именем, как именем Манаса, ведь Манас тоже погиб, защищая от врагов свой край и свой народ. И в эпосе есть великий плач по Манасу, всем известный прощальный плач по народному герою, и теперь этот плач соотносился в нашем сознании с ничем не сравнимым подвигом нашего юного Чолпонбая, бывшего всего лишь на несколько лет старше нас; мы запомнили его лик по солдатской фотографии на всю жизнь — какое поистине прекрасное одухотворенное лицо было у этого парня! И для каждого из нас он стал родным братом, при одном имени которого сердце наполняется национальной гордостью и отвагой; вспомнилось, как мы встречали каждого раненого фронтовика, вер-

ти, в том числе небывалых в истории человеческого рода, но ничто не смогло затмить того, что пережили народы планеты незабываемого 9 мая незабвенного 1945 года, ибо всем лучшим, что есть в современных людях и в современном мире, я убежден — мы обязаны Победе. И мы все, нынешние, от Победы, от того рубежа, положившего начало послевоенному этапу в глобальной истории всего человечества.

Эпос — это коренная повесть времени, великое и нескончаемое сказание народов, и каждая эпоха вписывает в эпос свои слова. Еще раз убедился я в этом совсем недавно, накануне открытия площади Победы во Фрунзе. Я долго ходил здесь растроганный и взволнованный, рассматривая завершенные работы, и чем больше вглядывался в композиционное расположение, в образную выразительность этого уникального скульптурно-архитектурного ансамбля, тем больше убеждался, что художники сумели глубоко постичь суть народной судьбы в ее эпическом измерении.

В самом центре города, на месте некогда старого базара, от которого и след простыл, возникла площадь Победы — это воистину эпос Победы в камне и бронзе в честь защитников Отечества.

Как в любом эпосе, исторгнутом из глубин народной поэзии, центральный персонаж ансамбля — традиционный образ Матери, Мекен-Эне, Матери-Родины. Но в данном случае материнский образ возвышен до универсальной значимости всех матерей земли нашей — былых и здравствующих ныне. Великая и вечная, как сама природа, Мекен-Эне изображена в ожидании солдат-победителей, тех, кто остался в живых, опаленных войной, идущих к ней, к ее материнскому очагу — и это одновременно Вечный огонь по тем, кто никогда не вернется. Радость ее в то же время сдержанна — ведь многие ее сыновья так и остались на поле брани. Бесконечная в своей доброте и мужестве Мекен-Эне стоит во главе всей площади на фоне вечноснежных хребтов Ала-Тоо, вздымающихся над городом. Голубая Мекен-Эне увенчана куполом юрты — три гранитных пилона склоняются над ней, образуя контуры исконного киргизского жилища. В этой трактовке — мать, жилище, очаг — символы жизни и родной земли.

Эта работа выдающегося киргизского скульптора Тургунбай Садыкова. Ему же принадлежит скульптурная группа воинов,

встреченных детьми, все они обращены лицом к Матери, ожидающей их у юрты пред очагом. Эпическая глубина, уверенность, мужество и спокойствие исходят от фигур воинов, прошедших суровые испытания в битвах...

Но нерв образной структуры памятника заключен в другой группе солдат, тоже идущих в направлении к Матери. Это поистине шедевр, матеря есть имя ему — аникушинский шедевр на киргизской земле. Двое солдат, двое пулеметчиков, вылепленных прославленным мастером Михаилом Аникушиным, являют собой живой фрагмент жестокой фронтовой действительности. От этих юных бойцов, несущих в походе разорванный пулемет, веет огнем, порохом, смертельной усталостью. Они музуют как бы на глазах у нас в этом предельном напряжении физических и духовных сил. Это фигуры редкой драматической выразительности. Невозможно спокойно лицезреть, хочется встать рядом с ними... И я очень рад, что один из аникушинских шедевров отныне у нас, на нашей киргизской земле. В этом совместном труде русского и киргизского мастеров над созданием героического памятника Победы в киргизской столице заключено то, что является главной идейной сутью этой монументальной композиции — утверждение подлинного интернационализма, присутствующего в природе нашего общества, присущего советским людям в труде и борьбе. Не случайно лики солдат на площади Победы — русские и киргизские. Одна из выдающихся исторических особенностей Великой Отечественной войны состоит в том, что в дни тяжких испытаний понятие советского патриотизма обрело всенародно признанное наивысшее значение — мы гордимся тем, что все народы нашей Отчизны, все как один встали на защиту социалистического государства, видя в том свой кровный, революционный и гражданский долг, видя в том неукоснительную жизненную необходимость, национальную и интернациональную одновременно. Об этом повествует эпос Победы на нашей площади.

И если прежде эпос на киргизской земле бывал лишь в устной поэтической форме, то теперь он зрим — на этой площади вечное прошлое соприкасается с живым настоящим, образуя мост духовной преемственности поколений.

Вот солдаты идут, и Мать ждет их у очага...

5 мая 1985 года.

ЭПОС ПОДВИГА

Чингиз АЙТМАТОВ

ны, у которых оставались дома новотельные коровы, убегали подоить и снова прибегали на бугор. И когда мы увидели на дороге пыль от скачущего всадника, все вскричали, и толпа, ликуя, кинулась навстречу гонцу — мы знали, и никаких сомнений не могло быть: Победа! Победа свершилась! Наконец-то! Кто верхом, кто пеший, помню, как бежала наша учительница, ее сын был артиллеристом всю войну, а раненые фронтовики устремились, кто как мог, даже на костылях, бежали матери, вдовы, жены и невесты, ждущие любимых; и, конечно, резвее всех понеслись мы, тогдашние подростки, дети войны, плугари и сеятели тех горьких лет... Впоследствии я попытался рассказать об этом в повести «Ранние журавли», но это было еще далеко впереди, а в тот день мы бежали навстречу гонцу Победы.

Там, в поверженном Берлине, восторжествовала наша сила и правда над гитлеровским фашизмом! Сколько же потребовалось для этого мук и испытаний от каждого из нас без исключения, от всех народов и всего многонационального советского общества в целом. И если ты частица народа, а народ твоя стихия, вне которой ты не мыслишь себе жизни, то нет большего счастья, чем счастье народной победы над врагом.

Часто мне потом снилось, как мы бежали навстречу гонцу Победы. Все, что было издавна и пережито в те годы, все, что врезалось навсегда в душу и память, великое и малое тех дней, все промелькнуло перед взором, в мысленных вспышках, как в незримых кинокадрах, — то, как уходили из аила мобилизованные, с вещмешками за спиной, переклички в строю во дворе военкомата, когда заплаканные женщины судорожно всхлипывали и что-то шептали при родном для них имени, названном по списку, проводы и прощания на станции, ночные шеллоны, неумолимо уносящие солдат на фронт, первая весть, облетевшая весь киргизский край, о первом Герое Советского Союза из наших сары-кубинских мест, девятнадцатилетнем Чолпонбае Тулебердиеве, совершившем почти одновременно с Александром Матросовым на разных фронтах выдающийся боевой подвиг — закрыв собственным телом вражескую амбразуру под Воронежем, мы приходили посмотреть на дом, мимо которого раньше много раз спокойно проезжали; дом был, как все тогдашние дома, из самана, с плоской крышей, залитой глиной, с маленькими оконцами; нам было жаль старую одинокую мать Чолпонбая, и в то же

внувшегося с войны, жадно внимая каждому его слову; вспомнилось, как жутко было разносить похоронные оповещения по дворам, а мне приходилось это делать — за неимением взрослых в четырнадцать лет я работал секретарем Шекерского сельсовета, рассмотрелся я и слышался сызмальства вдовьих причитаний и воплей осиротевших детей, а война все шла, и мне приходилось, опять же в силу неумолимых служебных обязанностей, собирать военные налоги с бедствующего населения, отдававшего последнюю копейку на заем, на очередную танковую колонну, чтобы быстрее изгнать фашистских захватчиков и быстрее дожидаться возвращения фронтовиков...

И как же удивительно быстро пронеслась жизнь военных поколений, вынесших на себе все тяготы мировой битвы с фашизмом. Вот уже сорок лет отмечается со дня Победы, а мне все сдается, что происходило это только вчера, и что все еще бегу я навстречу всаднику — вестнику победного конца войны. А тем временем минула целая эпоха, оставившая глубочайший след в облике современного мира.

Естественно, много воды утекло с тех пор, множество самых различных событий века произошло уже на нашей памя-